

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Бурбулис Юлии Владиславовны на тему «“Онтологический поворот” в современной социальной теории», представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия

Актуальность темы диссертационного исследования Бурбулис Ю. В. несомненна. Она обнаруживается как с точки зрения прикладной (каков онтологической базис исследований в области социальных наук и насколько он востребован самой социальной теорией), так и с позиции саморефлексии собственно философского дискурса. Само понятие «онтологического поворота», как и любого поворота, свидетельствует о кризисном состоянии мысли, о необходимости пересмотра ее инструментария, методов и форм репрезентации результатов. Онтологический поворот в его уже ставшем классическим понимании был связан с осознанием и необходимостью преодоления господства на протяжении практически двух веков гносеологической парадигмы в философии. Это привело, как известно, к дисциплинарному конституированию онтологии в конце 19 века, а затем стало причиной естественной радикализации онтологических теорий, что и было определено как онтологический поворот. В силу этого онтологический сдвиг изначально нес на себе печать некоторой ущербности и, как следствие, не мог не быть в определенной степени реваншистским и не претендовать на некоторую абсолютность значимости в пространстве фрагментированного тела философской мысли. Именно эти стороны (латентные ущербность и реваншизм) привели к деформации философской интенции

онтологических построений и к необходимости пересмотра ряда положений онтологии и метафизики присутствия. Как пишет автор, «онтологический поворот» оказывается условием возможности и невозможности онтологии» (Дис., стр. 4.). Однако автор выбирает для своего исследования не саму судьбу онтологии, что само по себе интересно и не может быть осмыслено в категориях завершенности, а проблему инструментальной потребности в онтологии со стороны социальной теории в целом. Причем эта востребованность проявляется именно в ситуации очередного кризиса онтологии. Ситуация отягощается тем, что, как указывает автор, «хотя современная социальная теория и актуализирует значение онтологии, она фактически уклоняется от общеметодологического и социально-философского ее воспроизведения и осмысления» (там же). Правда, как представляется, это совершенно классическая раздвоенность: конкретные дисциплины никогда не решали и не призваны были решать проблемы онтологии, как, впрочем, и проблемы гносеологии, они пользуются арсеналом, выработанным в философии. Поэтому задача философии состоит еще и в том, чтобы создать пространство возможности этого в чем-то уже вынужденного диалога представителей социальной теории и специалистов в области философии. Таким образом, работа может быть рассмотрена как междисциплинарная, собирающая и обобщающая в анализе онтологического поворота интуиции в области социальной философии (которая сегодня, как мне представляется, выступает в роли панфилософского дискурса), философии науки и методологии, понимаемой в качестве меж- или трансдисциплинарной технологии. Говоря об актуальности темы, сама автор отмечает, что сегодня «онтология общества перестает быть внешним дополнением его

развития, она становится важнейшим компонентом и необходимой формой конституции социальности» (Дис., стр. 3).

Сквозной задачей, которую решает диссертант в рамках данного исследования, является создание текста, в котором будет продолжена работа по преодолению «онтотеологического проекта философии и построения онтологии без теологии» (стр. 4).

Корректность определения объекта и предмета исследования не вызывает сомнений. Цель и поставленные для ее реализации задачи обусловили структуру работы.

В первой главе «Онтологический поворот» в современной социальной теории: исторические предпосылки и теоретические условия» автор анализирует логику развертывания «онтологического поворота», исходя из внутрифилософских оснований и инструментального запроса социальной теории в целом. Автор подчеркивает, что это не просто обновление языка, необходимость смены риторики, что происходит в теоретическом дискурсе каждые 30-40 лет. Автор ставит перед собой задачу показать исторические и теоретически предпосылки повторения ситуации «онтологического поворота». И это очень важный момент. Проблему «онтологического поворота», - пишет автор, - можно будет поставить на полностью обновленных основаниях, если удастся показать, что это исторические и теоретические предпосылки ее повторения. Стр. 18-19.

Описывая ситуацию, приведшую к необходимости деконструкции онтотеологического построения классической и неклассической философии, автор достаточно традиционно уже констатирует необходимость пересмотра принципа основания и последовательно выявляемую тенденцию трактовать онтологическую проблематику в горизонте социальности, понятой расширительно.

«Втягивание» онтологической проблематики в горизонт социального автор связывает с процессами трансформации онтологии, идущими в 20 веке, а также с разработкой на рубеже 20-21 веков онтологических интуиций, которые можно охарактеризовать как стремление построения «онтологии после онтотеологии». Этот комплекс разнообразных идей автор называет симптомами онтологического поворота в социальной теории. Однако эти симптомы диагностируют неслучайность обращения социальной теории к онтологической проблематике, полагая этот интерес не просто реакцией на конструктивистские и постмодернистские идеи, господствовавшие в социальной теории в конце 20 века. Этот запрос, как пишет автор, наиболее явно прослеживается в науках, где доминируют позитивистские настроения и используются, в основном, формальные, естественнонаучные, количественные методы репрезентации знания.

С другой стороны, построение новой онтологии связано с преодолением хайдеггеровского проекта фундаментальной онтологии и построения не-антропологической, реалистской онтологии.

Автор резюмирует свои изыскания в ряде характеристик своеобразной новой онтологической волны: полагание двойственности основания и не-основания, вытекающее из этого снятие оппозиции внутреннего-внешнего, необходимости-случайности и полагание конституирования социального в зазоре принципиальной невозможности как его интериорности, так и экстериорности.

Определяя контекст обращения социальной теории к онтологической проблематике, автор указывает, что цель его (обращения) – преодоление разрыва теории с реальностью и самообоснование социальной теории как самодостаточного феномена (стр. 37).

Автор справедливо указывает, что построение новой онтологии – это не просто внутренняя проблема социальной теории в ее региональных вариациях. Несколько изменив слова Лиотара, можно сказать, что социальная теория сегодня ведет ситуацию в науке в целом. К тому же сегодня очевидно «актуализируется онтологический статус практической жизни и деятельности людей» (стр. 38).

Методологические условия онтологического поворота автор рассматривает на примере развертывания одной из наиболее влиятельных познавательных стратегий, господствующих в науке в целом и в социальной теории в частности – на примере постпозитивизма.

Социальная теория конца 20 века в очередной раз предпринимает попытку «встать на твердую почву научности» и выстроить себя по образцу science. Постпозитивистская познавательная стратегия в этом плане была как нельзя более подходящей. Во-первых, она изначально создавалась именно для решения эпистемологических вопросов в области естествознания, но при этом, во-вторых, проблематизировала ситуацию недоверия к метафизике и отделения ее от науки, что стало следствием пересмотра отношений субъекта и объекта в познавательном процессе. Анализ теоретических оснований постпозитивизма позволяет автору заключить, что не только в социальной теории, но в науке в целом начинается возврат к онтологической проблематике, который идет не по причинам внешнего влияния на методологию, а исходя из ее собственных посылок.

Транспонирование идей постпозитивизма в пространство социальной теории привело к отказу от трансцендентализма и переходу на позиции имманентизма. Именно с позицией имманентизма

автор связывает перспективы развития социальной теории в ближайшее время.

Однако в данной парадигме невозможно объяснить, как от логики следования за объектом, развивающей и радикализирующей принципы эмпиризма, осуществить скачек к позиции исследователя. Задача эта может быть решена только при допущении некоторых метафизических оснований преодоления разрыва факта, трактуемого как событие, и теоретического объяснения этого факта, что вынуждает исследователя обратиться к онтологии.

Рассматривая наличие метафизического компонента на примере принципа решения Жижека и транзитивных объектов Бхаскара, автор делает вывод о необходимости возвращения метафизики в пространство теории, что является не только вопросом методологии, но приобретает особую значимость в свете необходимости построения новой онтологии, выходящей за пределы классической метафизики сущности или основания.

Вторая глава «Обновление онтологии в современной социальной теории» показывает, как парадигмальный сдвиг, который наметился в познавательных стратегиях начала 21 века, демонстрирует себя в социальных теориях. Автор полагает, что само построение новой онтологии является проблемой, так как требует пересмотра метафизической составляющей теории, обоснование принципов построения новой онтологии и выстраивания системы понятий, позволяющих дать адекватное описание социальных процессов.

Автор пишет, что центральный вопрос, на который должна дать ответ социальная теория – это вопрос об отказе от онтологии единого как основы всех редукционистских стратегий в социальных теориях и переходе к онтологии множественного, что позволяет уйти от сведения

исследуемых феноменов к некоторому (некоторым) основанию (основаниям), понимаемому как сущностные. Такой подход, считает автор, не позволяет выйти за рамки описания процесса воспроизводства и объяснять трансформации и развитие форм социальности.

Выбор антиредукционистской стратегии позволяет рассмотреть объект как таковой, вне системы опосредованных связей объекта с субъектом, который и является в классической онтологии предельным основанием, задающим понимание сущности, и инструментом осуществления редукции множества объектов к единому основанию.

Новая онтология исходит из принятия факта независимости объектов друг от друга и их само-стоятельности, принципиальной нередуцируемости, провозглашает принцип равенства, демократии объектов. Однако принимая во внимание то, что каждый объект складывается из отношений со множеством других объектов, частично объекты все же редуцируются к другим объектам в теоретических количественных процедурах. Также при отрицании принципа единого онтология все же сталкивается с тем, что единое существует (или случается). Однако в этом случае единое (и единство) представляется не данностью, а следствием трансформаций, изменений, локализаций. «Объект занимает место этого колебания между редукцией и ирредукцией», – пишет диссертант (стр. 75). Новая онтология равных неиерархичных объектов приводит к отказу от описания объектов в категориях «часть-целое», снимает отношения интериорности. Она строится на отношениях экстериорности, экстмности.

Таким образом, автор рассматривает процесс трансформации общих онтологических принципов «в локальную, соразмерную человеку версию онтологии». (стр. 86) Определение принципов

построения онтологии как необходимой познавательной стратегии позволяет автору ответить на вопрос о главном предмете социальной теории: что есть социальное и каков процесс его конституирования.

Автор стоит на позиции критики схем общества, созданных на основе идеи однородности социального порядка, структурирования общества как самодостаточной и неизменной в своих элементах системы. Ю.В. Бурбулис совершенно справедливо отмечает, что сами эти принципы зависели от возможности методов, доминировавших в классической теории – индукции и дедукции. При этом исследователь мыслился в положении венаходимости, отдельно от своего объекта, отчужденного от самого исследователя, а социальное мыслилось как некоторая субстанция процессов, происходящих в обществе обладающая статусом трансцендентального. Таким образом, принцип редукционизма предписывает объяснение многообразия социального мира путем сведения его к этим элементарным субстанциям.

Такой подход исключает взгляд на социальный мир как на становящуюся множественность и меняющееся разнообразие, по сути дела отрицает полифонизм и динамику социальности. Автор подчеркивает, что современное состояние общественных наук свидетельствует о невозможности пока определить, что именно включает в себя социальное. Поэтому понятие социального должно быть пересмотрено исходя из понимания социологии как науки о совместной жизни. Автор представляет модели Б. Латура, М. ДеЛанды и Т. Шацки как версии таких проектов.

Принцип открытости к внешнему делает необходимой разработку представлений о социальности в понятиях сборки и пересборки. Общество при этом предстает в виде матрешечного образования – в виде сети вложенных друг в друга сообществ, которые

характеризуются «отношениями экстерности». При этом, что важно, социальность не может быть рассмотрена в качестве объяснительного метафизического принципа для других явлений – природных или культурных.

Необходимо отметить, что работа принадлежит к редкому числу исследований, касающихся проблем концептуального статуса социальной теории в целом и социальной философии в частности, ибо, как уже было сказано, социальная теория сама по себе не может решать задачи своего методологического обеспечения в части вопросов онтологии и метафизики. Это задача философии, которая сегодня выполняется в рамках социальной философии. Это пример своеобразной саморефлексии социально-философского дискурса в рамках анализа состояния социальной теории. Работа написана на большом количестве источников (169, из них 40 – на английском языке). Автор демонстрирует блестящее владение материалом, грамотно работает с различными дискурсами, попавшими в горизонт его анализа, что сегодня достаточно сложно, ибо, в отличие от классических теорий, современные теории скорее герметичны, чем герменевтичны, упруги и неподатливы анализу в категориях, не присущих самим этим теориям. Значит, автор должен владеть многими «языками» и стилями для достижения поставленных им задач, владея приемами «перевода», но не злоупотребляя ими. Безусловным достоинством является и собственный язык работы: стройный, ясный, логически выдержанный, но в то же время не лишенный изящества и даже некоторой ироничности.

Интересным является своеобразный «обратный ход» в анализе «онтологического поворота» в социальной теории. Если сегодня в философии науки в исследованиях социальной контекстуальности

научного познания разрабатывается расширительная трактовка социального, то автор сознательно и последовательно конкретизирует вопрос, говоря о социальном в рамках социальных наук, подчеркивая невозможность использования понятие социального в качестве общеметодологического принципа для построения онтологий природы, культуры и т.д. Социальное конституирует общество в процессах постоянных последовательных и одновременных сборок и пересборок.

Можно уверенно сказать, что автор справился с поставленными задачами, в результате исследования получены результаты, которые могут быть использованы и дальнейшей разработке проблемы социального и анализа состояния социальной теории, что, как известно, невозможно в категориях однозначности и окончательности.

Мне работа представляется удавшейся. Если при неудавшейся попытке есть необходимость вскрывать основания этой неудачи, то успех автора необходимо судить по правилам самого автора. В противном случае критика будет касаться того, чего в работе нет, а этого просто некорректно и бессмысленно. Однако в ходе ее прочтения у меня возникли некоторые соображения, которые я озвучу скорее в плане предложений к размышлению, нежели в плане критики.

Первое – это некоторая и я бы сказала излишняя скромность в определении горизонта собственного исследования, что отразилось и в формулировке новизны. Она, как формулирует сам автор, состоит в развертывании системного анализа проблемы «онтологического поворота» в современной социальной теории. Однако анализ больше идет в логике системной реконструкции процесса в его результатах, что несколько противоречит самому пафосу работы с ее (работы) стремлением показать необходимость развертывания теоретического

инструментария в сторону определения потенций и арсенала дальнейшей его трансформации.

Представляется, что интересной была бы попытка поставить собственное исследование и его результаты в фокус тех принципов и концептов, который были эксплицированы автором в ходе анализа современных социальных теорий. Понимаю, что это довольно сложно: одно дело, когда принципы анализа выделены и прилагаются к тем исследованиям, на базе которых произведена экспликация, другое – когда к собственному исследованию, представляющему собой определенный тип целостности применяется принцип нового целого, построенного по логике «демократии объектов». Здесь же можно посмотреть, насколько практически может быть реализован принцип ирредукционизма, экстериорности и т.д. Момент саморефлексии был бы, безусловно, плюсом работы.

Вызывает некоторое сомнение в своей новизне тезис о том, что способ существования социального предшествует и более первичен, чем его сущность в онтическом смысле, в качестве новой постановки вопроса о социальном. Уже Хайдеггер, отвечая на пассаж Сартра о том, что, в отличие от классики, для которой сущность предшествует существованию, говорит, что при простом перевертывании (существование предшествует сущности) ничего не меняется, просто существование становится сущностью. Существование легко обнаруживает способность встать на место сущности. Но дело даже не в этом. Речь, думается, может идти о том, когда и почему стало возможным говорить о разных способах существования социальности, что маргинализирует вопрос о сущности социального в онтическом плане. Необходимо учитывать, что любое объяснение, как и любая реальность, строится по принципу (закону), который Мамардашвили

назвал законом $n+1$: возможны разные варианты объяснений. И всегда есть еще один, который еще не обнаружен.

Вызывает некоторые сомнения и ставший уже достаточно устоявшимся призыв к лишению особого статуса человеческих объектов, что, безусловно, есть некоторое следствие постмодернистского клича «смерти субъекта». Преодоление субъектной ориентированности в своей интенции возражений не вызывает, ибо (что тоже не новость) «не-человеческие» объекты принимают на себя частично способы существования и функции субъекта. Но можно ли идти дальше в логике снятия различия объектов человеческих и «не-человеческих»? Нет ли опасности в реализации этого принципа и нивелирования различия этих типов объектов?

Как уже отмечалось, автор ставит очень интересный вопрос о причинах повторимости (повторяемости) ситуации обращения к онтологии в методологии науки. Однако, что очень жаль, фактически анализ причин этой повторяемости не приводится, автор ограничивается описанием процесса (точнее – описаниями параллельных и последовательных процессов) развертывания философских теорий. Между тем, во всех этих повторяющихся ситуациях можно проследить попытку редуцировать социальные теории (или метафизические составляющие этих теорий) к принципам естественнонаучного познания. Пользуясь выражением М.К. Мамардашвили, это возвращение и возрождение «глобальной иллюзии объективизма». Эта иллюзия каждый раз давала импульс развитию наук и практик, но всегда обнаруживала свои негативные, теневые стороны.

Эти вопросы можно продолжить, но логика их будет та же самая: насколько приложимы к реконструкции, проделанной автором,

принципы, выделенные в ходе этой самой реконструкции самим автором?

Сказанное, однако, не умаляет сделанного автором и должно рассматриваться исключительно в плане приглашения к дискуссии и дальнейшему исследованию проблемы. Результаты диссертационного исследования обладают научной новизной и практической значимостью. Содержание его достаточно полно отражено в 12 публикациях, 3 из которых – в изданиях, включенных в перечень ВАК.

Диссертационное исследование Ю.В. Бурбулис является самостоятельным, выполнено на высоком профессиональном научном уровне, соответствует требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым подобного рода работам. Ю. В. Бурбулис заслуживает присуждения искомой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия.

Официальный оппонент

Терещенко Наталья Анатольевна,

Доктор философских наук, доцент,

профессор кафедры социальной философии

ИСФНиМК Казанского (Приволжского)

федерального университета

420008, Казань, ул. Кремлевская, 35

Тел.: 8 (843) 233-77-05

05.05.2017 г.

